

ЧИНГИЗ
АБДУЛЛАЕВ

ДОПУСТИМАЯ
ПОГРЕШНОСТЬ

Чингиз Акифович Абдуллаев

Допустимая погрешность

Серия «Дронго», книга 43

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=632885
Допустимая погрешность: Эксмо; Москва; 2011
ISBN 978-5-699-49977-9

Аннотация

В этой дружеской компании собрались богатые, преуспевшие в бизнесе люди. Их настоящее и будущее кажется безоблачным. Но вот с ними начинают происходить трагические события. Двое из них умирают при странных обстоятельствах, у третьего крадут из сейфа важнейшие документы... Может быть, это не более чем цепь невероятных совпадений и остальным участникам компании ничего не грозит? Эксперт по вопросам преступности Дронго, расследующий это дело, убежден в обратном. Над всеми друзьями нависла смертельная опасность. Но кто угрожает им? И кто из них окажется следующей жертвой?..

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	20
Глава 3	34
Глава 4	47
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Чингиз Абдуллаев

Допустимая погрешность

С точки зрения нравственной главный недостаток трагедии в том, что она придает слишком большое значение жизни и смерти.

Никола-Себастьян де Шамфор

Глава 1

Спустя много лет он часто вспоминал это расследование загадочного убийства и каждый раз невольно хмурился, отгоняя навязчивые мысли. Ему казалось, что он допустил роковую ошибку, что все можно было бы поправить, если бы он действовал иначе. Это были самые неприятные воспоминания Дронго...

В тот вечер все началось с дождя. Все началось, когда он вышел на балкон своей московской квартиры.

Он любил, когда небо было затянуто тучами и шел дождь. Может быть, потому, что он вырос в стране с жарким климатом, где дождь был нечастым гостем, а может, потому, что звук дождя пробуждал в нем приятные воспоминания о его первых командировках. О встречах с друзьями, многих из которых уже не было в живых.

Дронго взглянул на небо. Кажется, дождь усиливается. Он

вернулся в комнату и закрыл за собой дверь. Привычно нажал кнопку, опуская жалюзи. Затем задвинул шторы и прошел в кабинет. В кресле уже сидел Эдгар Вейдеманис, его друг и постоянный партнер, помогавший ему во многих расследованиях.

– Ты думаешь, он приедет? – спросил Эдгар.

Вейдеманис не пил спиртного, предпочитая всем остальным напиткам обычную минеральную воду. После того как у него удалили часть легкого, он говорил прерывистым голосом, каким-то особенным свистящим шепотом.

– Уверен, – ответил Дронго, усаживаясь в другое кресло. – Он звонит уже три дня, просит о встрече. Я сначала отказывался, но он так настаивал, что мне пришлось согласиться. Кроме того, он умудрился найти одного из моих друзей, с которым я знаком уже много лет. Именно поэтому я и согласился. Думаю, что у него очень серьезное дело, если он бросил все и уже столько дней находится в Москве.

– Твой друг сообщил тебе какую-нибудь информацию об этом человеке? – поинтересовался Вейдеманис.

– Конечно, – нахмурился Дронго, – я кое-что знал о нем и именно поэтому отказывался от встречи. Я не люблю принимать в своем доме людей, в моральной чистоплотности которых сомневаюсь. Наш гость сколотил свое состояние в начале девяностых, когда, собственно, и закладывалось благосостояние нынешних миллионеров. Но даже на их фоне он выделяется своей беспринципностью и авантюризмом. Его

махинации с поставками продуктов в страну стали широко известны в девяносто пятом, и против него было возбуждено уголовное дело. Но в девяносто шестом должны были состояться президентские выборы, а он был тогда одним из главных «спонсоров» победившей стороны. Говорили, что он дал наличными больше трех миллионов долларов. Если учесть, что он украл больше ста, то эта сумма не сильно сказалась на его финансовом благополучии. – Дронго махнул рукой. – Противно, – поморщился он, – этот тип делает все, чтобы попасть в мой дом, и наверняка будет просить о помощи. С одной стороны, мне неприятно разговаривать с таким человеком. А с другой, – это моя работа. Я ведь ничего другого делать не умею. Могу только заниматься этим ремеслом.

– И неплохо заниматься, – пошутил Эдгар.

– Может быть, – согласился Дронго, – хотя мне иногда кажется, что мне было бы лучше заняться чем-нибудь другим...

Он не успел договорить, когда в дверь позвонили.

– Явился, – пробормотал Дронго, поднимаясь. – Обрати внимание на время. Наш гость весьма пунктуален. Пришел минута в минуту. Если я что-нибудь понимаю в людях, то это совсем не потому, что он относится ко мне с уважением или придерживается подобного распорядка в жизни. Наверняка у него ко мне очень важное дело.

Подойдя к двери, Дронго включил внешний обзор. Он увидел, что его гость одет в светлый костюм и темно-синюю

рубашку. Ее верхние пуговицы расстегнуты. Мужчина среднего роста, лысоват. У него был несколько вытянутый нос, темные глаза, мясистые щеки. На вид ему можно дать лет сорок пять – пятьдесят. Он в очках, и Дронго оценил очень дорогую оправу.

Открыв дверь, он впустил гостя в квартиру. Перед тем как войти, тот внимательно посмотрел на хозяина. Затем, переступив порог, сразу протянул руку.

– Борис Алексеевич Ратушинский, – представился он.

– Очень приятно, – Дронго пожал ему руку.

Ответное рукопожатие было сильным, волевым. Этот человек получал свои миллионы в нелегкой борьбе.

– Извините, – сказал Ратушинский, – как мне вас называть? Мне говорили, что вы...

– Да, – перебил его Дронго, – можете обращаться ко мне именно так. Я привык, когда меня называют Дронго.

Войдя в кабинет, Ратушинский увидел незнакомца и, резко повернувшись, взглянул на Дронго. В глазах мелькнула растерянность, которая, впрочем, быстро переросла в очевидный гнев.

– Разве вам не сказали, что у меня к вам конфиденциальное дело? – спросил он.

– Сказали, – кивнул Дронго, – именно поэтому здесь присутствует господин Вейдеманис. Он мой помощник в расследовании наиболее сложных дел. Согласитесь, что мне необходимо иметь человека, которому я могу доверять.

– Но я его не знаю, – возразил Ратушинский, не глядя на Эдгара Вейдеманиса, словно речь шла о мебели, стоявшей в кабинете. – Мне нужно поговорить только с вами. У меня очень важное дело.

– Вы, видимо, не поняли, – усмехнулся Дронго. – Это не просто мой гость, заглянувший с улицы. Этот человек – мой друг, которому я вполне доверяю.

– Это вы не поняли, – повысил голос Ратушинский, – я собираюсь заплатить за нашу беседу и вашу помощь очень большой гонорар. Сумму вы назовете сами. Я готов выплатить любую сумму в разумных пределах.

– И вы считаете, что это дает вам право кричать? – улыбнулся Дронго. – Давайте сразу договоримся, Борис Алексеевич. Вы использовали все свои связи, чтобы попасть ко мне. Очевидно, у вас действительно очень важное дело. Вполне допускаю, что вы богатый человек и можете мне заплатить. Но я не проститутка, которую покупают за деньги. Я профессиональный эксперт, и не каждый гость может рассчитывать на мое согласие, даже если он собирается заплатить очень большую сумму. Здесь ничего не продается, господин Ратушинский. Вы не в магазине. И поэтому либо вы принимаете мои условия, либо сразу уходите. Выбирать вам.

Ратушинский побагровел. Очевидно, с ним давно никто так не разговаривал. Он повернулся к двери, намереваясь уйти. Затем громко выругался. И вдруг широко улыбнулся.

– Вы умеете быть убедительным, – сказал он, – ладно, черт

с вами. Пусть будет и ваш помощник. Надеюсь, что о нашем разговоре никто не узнает.

– Это я могу вам гарантировать, – кивнул Дронго.

Они вернулись в кабинет. Ратушинский расположился в кресле, где раньше сидел Вейдеманис. Дронго уселся напротив него, а Эдгар устроился на диване.

– Итак, я вас слушаю, – сказал Дронго, глядя в глаза гостю.

Тот нахмурился, поправил очки. Было видно, что он волнуется.

– Вы слышали о скандале, который случился два месяца назад? – неожиданно спросил Ратушинский.

– Поставки сахара? – уточнил Дронго. – Вы продали его государству по цене гораздо выше той, которую предлагали ваши конкуренты?

Ратушинский вздрогнул. Недоверчиво посмотрел на Дронго. Потом наконец посмотрел на Вейдеманиса. И снова перевел взгляд на Дронго.

– Откуда вы знаете? – гораздо тише спросил Борис Алексеевич.

– Я знал, кто ко мне придет, поэтому навел некоторые справки. Про вас написали сразу несколько газет. Было совсем не трудно найти эти статьи. Между прочим, они есть и в Интернете.

– Конечно, – раздраженно произнес Ратушинский. – Эти журналисты набросились на меня, как псы на загнанного медведя. Они мусолят эту тему до сих пор. А все началось

с «Новой газеты», когда журналист Лисичкин опубликовал первую статью.

Дронго молчал. Он видел, как спокойно слушает гостя Эдгар. Латыш Вейдеманис всегда отличался невозмутимостью, как большинство прибалтов.

– Он использовал документы, которые пропали у меня, – сквозь зубы проговорил Ратушинский.

Он сжал пальцы в кулак. Само воспоминание о журналисте, осмелившемся бросить ему вызов, привело его в ярость.

– Он использовал документы, которые пропали из моего кабинета, – повторил Ратушинский, тяжело дыша.

Он взглянул на Дронго:

– Я, собственно, и пришел к вам из-за этого.

– Неужели вы хотите, чтобы я нашел эти документы? – не поверил своим ушам Дронго. – Какая вам от них польза? Они же уже опубликованы.

– Конечно. Они мне не нужны. Все, что можно было, этот негодяй уже использовал. Он размазал меня по страницам своей газеты...

– Вы могли бы подать в суд, если это была клевета, – предложил Дронго.

– Какая клевета? – развел руками Ратушинский. – Все, что написал Лисичкин, – правда. От первого до последнего слова. Дело в том, что документы, которые он использовал, были украдены из моего кабинета. Они лежали в моем письменном столе. И пропали, чтобы оказаться у этого Лисички-

на.

– Их украли из вашего кабинета? – переспросил Дронго.

– Да, – ответил Борис Алексеевич, – они пропали у меня из кабинета ровно два месяца назад. Самое интересное, что я даже знаю, в какой именно день. Утром я работал дома. Было воскресенье, но на дачу мы не поехали. Вечером друзья пригласили нас в театр. В этот день я встречался со своим секретарем: на следующее утро я собирался улететь в Лондон. В общем, утром документы лежали у меня в столе, а когда перед поездкой я снова проверил ящик стола, то не нашел их. Конечно, я устроил дома скандал. Выбросил из стола все содержимое, но ничего не нашел. Я отменил свою поездку в Лондон. А через два дня появилась статья Лисичкина.

Он замолчал, выдыхая воздух. Было заметно, как он волнуется.

– Представляете мое состояние? – спросил он, глядя на Дронго. – Документы пропали из моего домашнего кабинета. Наш дом охраняется, и никто из посторонних не мог попасть в мою квартиру. К тому же в воскресенье дома не было ни домработницы, которая убирает в квартире, ни кухарки. Никого. Никого из тех, кого я должен подозревать. И тем не менее документы пропали, пропали... – Он снова кулаком ударил по колену.

Эдгар принес гостю стакан воды. Ратушинский взял стакан и, ни слова не говоря, жадно выпил. Вернув пустой стакан Вейдеманису, он благодарно кивнул.

– Кроме вас, дома был еще кто-то? – поинтересовался Дронго.

– Да, – вздохнул Борис Алексеевич, – несколько человек. Но ни один из них не мог взять документы. В этом я... почти уверен. Или был уверен, не знаю даже, что сейчас сказать. Все так запуталось... Не могу и подумать, кого можно подозревать.

– Вы не ответили на мой вопрос, – терпеливо напомнил Дронго.

– Да, конечно. Кроме моей супруги, в доме были еще две пары. Наши друзья, с которыми мы дружим уже много лет, и моя сестра с мужем. Вот, собственно, и все. И еще, как я уже сказал, была моя секретарша, которая работает у меня четыре года. Но она ушла гораздо раньше других. А мы поехали в театр.

– Итого семь человек, – посчитал Дронго.

– Почему семь? – удивился Ратушинский. – Шестеро. Две пары, моя жена и моя секретарша. Шесть человек.

– А вы себя не считаете? – спросил Дронго без тени усмешки.

– Нет, конечно, не считаю. Я же не идиот, чтобы отдать свои документы какому-то полоумному журналисту. Себя я исключаю. Я не лунатик и не страдаю провалами памяти. Или раздвоением личности. И детство у меня было вполне благополучное. – Гость был человеком весьма начитанным в области психоанализа. – Эти документы я не брал и тем

более никому не отдавал, — решительно закончил он.

— Тогда их забрал кто-то из ваших близких.

— Конечно, — согласился Ратушинский. — Только не нужно думать, что я сразу решил обратиться к вам. Я деловой человек, и мне нужно найти змею, которая завелась в моем доме, чтобы потом не подставиться во второй раз. Знаете, что я сделал? Я позвонил Лисичкину и предложил ему десять тысяч долларов. Нет, не за документы. Мне нужно было знать имя человека, который отдал ему документы.

Дронго молча слушал своего собеседника. В такой момент говорящего нельзя перебивать, чтобы не потерять нить разговора.

Ратушинский чуть помолчал и затем сказал:

— Он отказался. Тогда я предложил ему двадцать тысяч долларов. И он опять отказался...

Борис Алексеевич похлопал себя по карманам. Потом чуть слышно выругался.

— У вас нет сигарет? — спросил он у Дронго. — Кажется, я оставил свои в машине. Я приехал к вам без водителя, чтобы никто не знал о нашей беседе.

— Я не курю, — развел руками Дронго, — и мой друг тоже не курит. Значит, журналист отказался сообщить вам, кто передал ему документы?

— Если бы отказался! — победно хмыкнул Ратушинский. — Я довел сумму до шестидесяти тысяч долларов, и тогда он сдался. Пообещал, что сообщит имя вора вечером в пятни-

цу.

– Шестьдесят тысяч... – задумчиво проговорил Дронго. – В поисках истины вы зашли достаточно далеко. И он сообщил вам имя человека, который украл документы?

– Нет, – выдохнул Борис Алексеевич, – он не успел. В пятницу утром он разбился, находясь в своей машине. Только не думайте, что это я приложил руку к аварии. Он действительно разбился, а я, не зная этого, ждал его, как настоящий кретин. С деньгами и с надеждой разобраться наконец, кто меня подставил. Потом я мучился несколько недель. И решил: раз судьба бросает мне вызов, я должен ей ответить. За это время я пытался узнать, кто лучший детектив в нашем городе. Или в стране. Считайте, как вам будет удобно. Я искал вас еще несколько недель. И наконец мне дали ваши координаты. Вы слышали, какую сумму я назвал? Если вам она покажется недостаточной, я добавлю. Но мне необходимо знать, кто именно взял документы. Вы меня понимаете?

– А если это действительно судьба? – прищурился Дронго. – Вы не допускаете мысли, что «кирпич просто так на голову не падает». Возможно, там, наверху, кто-то решил, что вы не должны знать имя человека, взявшего эти документы. Может, так вам будет лучше...

– Нет, – перебил его Ратушинский, – так будет еще хуже. Я мучаюсь, подозреваю всех, кто был в тот день в доме. Просто схожу с ума от подозрительности! На прошлой неделе я положил куда-то отчет американского банка о моем теку-

щем счете. Ничего особенного, но когда я его не нашел, то наорал на жену и на домработницу. Потом эти бумаги оказались в портфеле. И я понял, что начинаю терять рассудок. Мне необходимо найти человека, который украл документы!

– Ясно, – сказал Дронго, переглянувшись с Вейдеманисом. – Значит, вы твердо убеждены, что документы взял кто-то из людей, находившихся в вашей квартире? То, что это могли сделать посторонние, вы полностью исключаете?

– Абсолютно. У нас дом охраняется. И это не только сидящие внизу охранники. Есть еще электронная система защиты. Можно, конечно, договориться с охранниками и отключить ее. Но тогда зачем красть документы, которые в худшем случае могли принести мне лишь головную боль и неприятности с налоговой полицией? В моем столе хранились гораздо более ценные бумаги. Кроме того, там всегда лежит несколько пачек долларов. Получается, что вор – полный идиот, если взял не деньги, а эти материалы.

– Значит, деньги не пропали? – взглянул на собеседника Дронго.

– Нет. Ничего не пропало. Только эти документы. В этом и весь парадокс. Выходит, что кто-то из моих близких решил мне насолить, – Ратушинский усмехнулся. – Смешно получается: чтобы мне «насолить», украли документы о поставках сахара.

– Вы понимаете, что прошло уже много времени и мне будет трудно помочь вам... – начал Дронго.

– Мне нужна ваша помощь, – снова довольно невежливо перебил его гость. – Я готов заплатить вам хороший гонорар.

– Перестаньте говорить о деньгах, – остановил его Дронго. – Мы сделаем так. Сначала оговорим условия. Есть некая твердая сумма, которую вы мне платите, независимо от результатов расследования. Я не могу вам гарантировать конечный успех – в таком деле это достаточно сложно. Но я могу вам обещать, что сделаю все, чтобы найти человека, укравшего эти документы. Конечно, при условии вашего корректного поведения. Не нужно вести себя так, словно вы меня наняли. Мы с вами партнеры по расследованию. Надеюсь, мы больше не вернемся к этому разговору? В противном случае мы расстаемся с вами немедленно. Вы согласны?

– Да, – быстро кивнул Ратушинский. – Я согласен на все. На любые условия. Я должен узнать, кто украл документы.

– Тогда давайте сразу начнем, – предложил Дронго. – Расскажите мне подробно, кто был в вашей квартире в день, когда они исчезли. Расскажите о каждом поподробнее.

Гость кивнул. Потом, взглянув на Вейдеманиса, вдруг попросил:

– Вы не могли бы дать мне еще стакан воды?

Эдгар пошел на кухню. Ратушинский посмотрел ему вслед и шепотом обратился к Дронго:

– Вы в нем уверены? Сейчас плохое время. Если эта история попадет в газеты, я буду окончательно опозорен.

– Мы знаем друг друга уже не первый год, – пояснил Дрон-

го. — Что касается лично вас, то мне иногда кажется, будто я живу в перевернутом мире. Когда вас уличили в том, что вы обманули государство на несколько десятков миллионов, вас это не испугало. Вас волновало не моральное осуждение окружающих, а поиски предателя из вашего окружения. Зато вы боитесь показаться смешным и поэтому не хотите, чтобы наше расследование стало достоянием гласности.

— Лучше пусть думают, что я жулик, чем полагают, что дурак, — парировал Ратушинский, — и не нужно говорить о моральных принципах. Мы примерно одного возраста, может, я старше вас на несколько лет. Мы с вами прошли одну школу. Нас принимали в пионеры под барабанную дробь, потом мы были комсомольцами. Кстати, вы, наверное, были и членом партии? — Не дожидаясь ответа, Борис Алексеевич махнул рукой: — Я тоже был. Только меня исключили. За махinations в восемьдесят четвертом. Тогда было строго. Как раз перед смертью Андропова. Нас учили, что спекуляция — это плохо, что нельзя заниматься частнопредпринимательской и коммерческой деятельностью, нельзя иметь валюту на руках, за это давали срок. А сейчас? Ценности изменились... Моральные ценности стали совсем другими. Девочки мечтают стать валютными проститутками, а мальчики продают жвачку друг другу в школе и становятся рэкетирами уже в старших классах, отбирая деньги у малышей. Все изменилось...

Вейдеманис принес стакан с водой, и Ратушинский, благодарно кивнув, выпил его залпом.

– Вам не говорили, что вы циник? – спросил Дронго. – Вы пытаетесь оправдать собственную нечистоплотность. За аферу с сахаром в любой другой стране вас привлекли бы к уголовной ответственности. Такие «шалости» не прощают в цивилизованных странах.

– Может быть, – кивнул Ратушинский, – но тогда нужно сажать и некоторых ответственных чиновников из правительства, которые знали о настоящей цене и тем не менее подписали наши договора. Или вы думаете, что они сделали это безвозмездно?

– Не думаю, – нахмурился Дронго.

Он посмотрел на Вейдеманиса. Им обоим этот человек был неприятен. «Может, выгнать его к чертовой матери? – подумал Дронго. – А с другой стороны, за него просил давний знакомый из Баку».

Вслух он спросил:

– Как вы вышли на моего знакомого?

– У меня есть адрес вашего филиала в Баку, – улыбнулся Ратушинский, – а там все знают, что офис Дронго находится на улице Хагани, двадцать пять. Я даже помню ваш почтовый индекс – тридцать семь и четыре нуля. Но вы там редко бываете. Хотя адрес запоминающийся, как Бейкер-стрит у Шерлока Холмса. Я попросил узнать о ваших знакомых, и мы вышли на вашего друга. Вы меня и за это осуждаете? Я ведь понимал, что мне нужно заручиться рекомендацией кого-то из тех, кто хорошо вас знает.

– Остается только позавидовать вашей предприимчивости, – пробормотал Дронго, – давайте перейдем к делу. Расскажите о каждом из шести человек, которые находились в доме.

Глава 2

Ратушинский заерзал на месте. Потом спросил:

– С кого начинать?

– С кого хотите. Вы сказали, что там были две семейные пары, ваша супруга и секретарь. Можно узнать, кого из них вы подозреваете?

– Н-никого, – не совсем уверенно произнес Борис Алексеевич. – Я никого не подозреваю.

– Так не бывает, – сказал Дронго, – вы ведь наверняка уже прокручивали эту ситуацию сто раз. И каждый раз пытались найти конкретного виновника. Итак, кого вы подозреваете в первую очередь? Учтите, вам нужно быть откровенным, иначе все наши усилия окажутся безрезультатными.

– Да, конечно, – кивнул Ратушинский, – среди этих шестерых больше всего сомнений у меня вызывал Виталий Молоков. Это муж моей сестры. Они женаты уже восемь лет, у них маленький ребенок. Он пытается заниматься бизнесом, но безуспешно. Ничего не получается. Все его проекты оказываются безуспешными. Есть люди, которым противопоказано заниматься бизнесом. К ним не идут деньги. Они обходят их стороной. Очевидно, Виталий из их числа. Но он все время пытается что-то сделать, как-то пробиться. Я, конечно, ему помогаю – из-за сестры, но, думаю, он безнадёжен. В первую очередь я подозревал именно его. Даже пытался

с ним поговорить. Он очень испугался и клялся, что не мог сделать ничего подобного. И знаете, я ему верю. С его куриными мозгами очень сложно продумать такую комбинацию. Он скорее взял бы деньги, чем документы. Но его я подозревал в первую очередь.

– Он знал, что вы держите в кабинете деньги и документы?

– Конечно, знал. И про деньги тоже. Он приходил ко мне, и я иногда давал ему небольшие суммы. Он клялся, что вернет, но я до сих пор не получил ни копейки.

– Он мог войти в ваш кабинет?

– Вообще-то, нет, но если он решился на то, чтобы забрать документы, то, наверное, мог. Дело в том, что у нас квартира на двух этажах. На первом находятся гостиная, столовая, мини-кинотеатр – сейчас это модно – и кухня. А на втором – спальни и мой кабинет. Поэтому трудно проследить, кто именно входил или выходил из кабинета. Любой из находившихся в квартире мог незаметно подняться ко мне в кабинет. Я никогда не закрываю дверь. В кабинете нет сейфа. Я считал, что не нужно привлекать внимание строителей такой красноречивой деталью. Обычно документы я храню у себя на работе, но из-за того, что я должен был лететь в Лондон, привез их домой.

– Значит, Виталий Молоков, – повторил Дронго.

В руках у Вейдеманиса появился блокнот. Эдгар каллиграфическим почерком вывел имя первого подозреваемого.

– Главный подозреваемый всегда бывает невиновен, –

мрачно пошутил Ратушинский, — кажется, так случается во всех детективах.

— Но не в жизни, — возразил Дронго. — Здесь как раз все наоборот. И вообще преступления совершаются гораздо проще, чем об этом принято думать. На одного гениального преступника приходится сто дилетантов. Как на одного хорошего бизнесмена — тысяча неудачников.

— Намек понял, — кивнул Борис Алексеевич. — Кто еще вас интересуется?

— Все остальные.

— Моя жена — Майя Арчвадзе. По отцу она грузинка, по матери — еврейка. Это моя вторая жена. Мы женаты шесть лет. У Майи есть дочь от первого брака, которая учится в Париже. Должен сказать, что жену я подозреваю меньше всего. Ей это просто не нужно. И замуж она выходила за меня, а не за мои миллионы. Дело в том, что ее первый супруг умер восемь лет назад, в девяносто третьем. К тому времени он успел сколотить состояние в несколько миллионов долларов, и Майя ни в чем не нуждалась. Кстати, она дважды отказывала мне, и только с третьего раза мне удалось убедить ее выйти за меня замуж. Я думаю, когда вы ее увидите, то все поймете. Она — потомок известного княжеского рода. Эта женщина абсолютно не способна на мелкую пакость. Она никогда не стала бы красть документы, чтобы причинить мне неприятности. Это не в ее стиле.

— У вас нет детей?

– У меня есть сын от первого брака. Ему уже сорок четыре, он живет с матерью, моей первой женой.

– Ваш сын навещает вас?

– Конечно. Но если вы думаете, что он мог выкрасть эти документы, то ошибаетесь. Он с матерью уехал за город, их не было в Москве несколько дней, включая и тот день, когда пропали документы.

– Нет, я спросил не поэтому. Я хотел узнать, какие отношения у вашей второй жены с вашим сыном?

– Самые хорошие. Она принимает его так, как будто он ее родной сын. Ни одного лишнего слова или жеста. Я же говорю, вам нужно с ней познакомиться. Она настоящая аристократка, и именно это привлекает в ней более всего.

– Она где-нибудь работает?

– Да. Как ни странно – работает. Я много раз предлагал ей бросить работу, тем более что получает она гроши. Но она не соглашается. Сейчас она – руководитель отдела в Институте мировой литературы. Готовит докторскую диссертацию. Ей кажется важным добиться успехов самой. Наверное, она так решила после смерти первого супруга.

– От чего он умер?

– Онкология. Проклятая болезнь. У них в семье многие от нее умирали. Был цветущий, красивый мужчина – и вдруг за полтора года превратился в старика. Она так много вынесла, уму непостижимо! Везла его в Америку, в Германию, в Израиль. Ничего не помогло. В последние дни он угасал на ее

глазах. Она так измучилась.

– Вы были с ним знакомы?

– Да. И с ним, и с ней. Она мне всегда очень нравилась. Но я не позволял себе глупостей. А она тем более не одобрила бы моих вольностей. Это не та женщина. Пока мы официально не зарегистрировались, у нас не было никаких отношений. Поверьте мне, это так, хотя мы оба были уже достаточно взрослыми людьми. Когда мы поженились, мне было около сорока, а ей тридцать восемь. Ее дочери тогда было шестнадцать, а сейчас уже двадцать два года, и Майя говорит, что у девочки есть постоянный друг. Наверное, мы скоро станем дедушкой и бабушкой, – усмехнулся Ратушинский.

– Продолжайте, – попросил Дронго.

– Моя сестра Евгения Ратушинская, супруга Виталия. Она не стала менять нашу фамилию. Моя младшая сестра. По образованию – врач. Работает в научно-исследовательском институте. У них с Виталием растет дочь. Не представляю, как Женя терпит своего никчемного мужа. При ее амбициях рядом с ней должен был бы находиться какой-нибудь известный режиссер или политик, а не этот слюнтяй. Но так получилось, и теперь Евгения мучается с ним, пытаюсь сделать из него человека. Женя на шесть лет моложе меня.

– Они часто бывают в вашем доме?

– Нет, нечасто. Но в тот день мы собирались вместе пойти в театр. Женя приехала к нам, чтобы мы отправились туда вместе.

– Почему? – поинтересовался Дронго. – Они не могли встретиться с вами у театра? Зачем нужно было приезжать к вам, чтобы затем поехать в театр?

– У Жени свои амбиции, – улыбнулся Ратушинский. – Дело в том, что я вызвал оба свои «Мерседеса», чтобы нас отвезли в театр, и Женя об этом знала. Ей хотелось продемонстрировать свое положение. Хотя у ее мужа тоже неплохая машина, но это не представительский «Мерседес». Вообще-то с нами должны были ехать соседи по дому, но у них оказались срочные дела, и я пригласил Женю.

– Они приехали непосредственно перед выездом?

– Нет, гораздо раньше. Часа за три. И где-то через полчаса приехала другая пара. Мы пили чай – скоро надо было ехать в театр, когда приехала моя секретарша.

– Не спешите, – попросил Дронго. – Значит, вы были дома с супругой, когда приехала ваша сестра с мужем. Верно?

– Да.

Эдгар Вейдеманис делал отметки в своем блокноте.

– Вы сказали, что потом приехала другая пара. Кто эта пара?

– Миша Денисенко и его супруга. Вы, вероятно, иногда встречаете его фамилию среди режиссеров популярных телевизионных передач. Он работает на телевидении.

– Он журналист? – уточнил Вейдеманис, впервые подав голос.

Ратушинский нахмурился, услышав его хриплый шепот.

– Почему вы так разговариваете? – спросил он. – Что с вашим голосом?

– У господина Вейдеманиса удалена часть легкого, – пояснил Дронго. – Значит, ваш гость был режиссером?

– Почему был? Он и сейчас режиссер, – возразил Ратушинский. – Мы дружим семьями уже много лет. Наши жены – подруги, работают в одном институте и дружат уже лет десять.

От внимания Дронго не ускользнуло, что, рассказывая об этой паре, Ратушинский вел себя несколько скованно.

– Мне кажется, вы должны были понять мотивы нашего повышенного интереса к господину Денисенко, – пояснил Дронго. – Насколько я понял, он был единственным среди находившихся в доме людей, кто имеет отношение к средствам массовой информации, к той же журналистике, например.

– Да, конечно, – неожиданно улыбнулся Ратушинский. – Но нужно знать Мишу, чтобы отвести от него любые подозрения. Это абсолютно порядочный человек, добрый и мягкий. Никогда в жизни он не пойдет ни на какую подлость. Скорее я сам мог бы отдать кому-нибудь документы, чем Миша позволил бы себе их взять. Это типичный интеллигент-шестидесятник. Хотя в то время он был совсем мальчишкой – ему сейчас около пятидесяти. Но он словно пришел из того времени. Любит песни бардов, многие знает наизусть. Высоцкий, Окуджава, Визбор – его любимые авторы. Он и

сам хорошо играет на гитаре, поет. Нет, нет. Это не он.

– А его супруга? – предположил Дронго. – Чтобы помочь мужу в его карьерных устремлениях? Такое возможно?

– Только теоретически, – ответил Борис Алексеевич. – Мы дружим семьями несколько лет. В прошлом году даже вместе отдыхали в Испании. Нет, она тоже не могла взять документы.

– Вы так доверяете людям? – удивился Дронго.

– Нет. Это не доверие. Скорее умение разбираться в людях. Супруги Денисенко – последние из тех, кого я начал бы подозревать. Мне кажется, что, познакомившись с ними, вы со мной согласитесь.

– Посмотрим, – уклонился от конкретного ответа Дронго, – и тем не менее остался еще шестой человек, о котором вы пока не сказали. Или ваша секретарша пришла позже других?

– Нет. Она появилась после того, как пришли моя сестра с мужем. И до того, как появились супруги Денисенко. Я сам ее вызвал, чтобы просмотреть некоторые документы.

– Вы часто так делаете? Вызываете секретаря к себе домой?

– Нет, не часто. Но случается. Я же вам говорил, что мне нужно было лететь в Лондон, поэтому я и вызвал ее к себе. Точнее, послал за ней машину. Мы немного поработали в моем кабинете.

– Значит, она была у вас в кабинете?

– Да, была.

– И вы не выходили из кабинета?

– Выходил. Но мне кажется, что глупо подозревать собственного секретаря. У меня на работе остается гораздо больше важных документов, которые проходят через ее руки. Кроме того, она бы не выручила за эти документы больше пяти-шести тысяч долларов. Зачем ей рисковать своей работой? Она получает у меня полторы тысячи долларов.

– Какие большие зарплаты у секретарей, – усмехнулся Дронго. – Неужели она получает такую зарплату по ведомости?

– Нет, конечно, – нахмурился Ратушинский. – По ведомости она получает только двести долларов. Остальное в конверте. Я надеюсь, что вы не работаете заодно и в налоговой инспекции?

– К сожалению, нет, – ответил Дронго, – хотя иногда очень тянет на сотрудничество с этой почтенной организацией. У меня вообще такое ощущение, что зарплата в Москве выдается только в «конвертах», минуя налоговые органы.

– Девяносто процентов компаний так и делают, – усмехнулся Борис Алексеевич. – Сейчас никто не доверяет государству. И уж тем более никто не платит налогов. Хотя говорят, что платить налоги в России стало выгодно. Всего тринадцать процентов. Это гораздо лучше, чем сорок или пятьдесят в других странах. Но гораздо хуже, чем вообще их не платить.

– Учебник новой политэкономии, – указал на гостя Дронго, обращаясь к Вейдеманису. – Учись, Эдгар. Это называется «новые рыночные отношения». Итак, что вы можете рассказать о своем секретаре?

– Юлия Геллер. Ей двадцать восемь лет. Не замужем. Образование высшее. Свободно владеет английским. Работает у меня более двух лет, точнее, около двух с половиной. Исполнительная, дисциплинированная, очень пунктуальная. Весьма целеустремленная. Собирается защищать кандидатскую диссертацию. В общем, идеальный секретарь.

– Вы взяли ее по чьей-то рекомендации?

– Да, конечно. В нашей компании существует жесткий отбор. Мы не берем людей с улицы, тем более секретарей. Она работала в телефонной компании. У нее были отличные рекомендации. Но на прежней работе она получала около четырехсот долларов. А ей хотелось роста. Когда у нас появилась вакансия секретаря для моего заместителя, она принесла свои документы.

– Откуда она узнала о вакансии?

– Наша служба безопасности все проверила. Ее двоюродная сестра работала в нашей компании. Сейчас не работает. Вышла замуж за дипломата и уехала с ним в Непал. А Юлия подошла нашему вице-президенту. Проработала она у него около пяти месяцев. Я обратил внимание на деловые качества этой молодой женщины. И мы решили, что будет лучше, если она будет работать у меня. И я должен сказать, что не

ошибся. Она действительно хорошо справляется со своими обязанностями.

– Красивая? – неожиданно спросил Дронго.

– Что? – не понял Ратушинский.

– Мне кажется нормальным, если на эту работу вы взяли красивую женщину, – предположил Дронго.

– Да, – сдержанно согласился Борис Алексеевич, – она симпатичная. Нравится мужчинам, если вы имеете в виду именно это обстоятельство.

– И вы обратили на нее внимание только потому, что она хорошо работала или в силу других причин?

– В силу комплекса причин, – ответил, немного подумав, Ратушинский. – Конечно, я обратил внимание на эффективную молодую женщину, потом узнал, как она работает, потом проверил ее в деле. Да, она мне подошла, и я ее взял.

– Ваша супруга не ревнует вас к Юлии?

– Нет. Моя жена достаточно разумный человек. Она никогда не устраивает мне сцен. Во всяком случае, не стоит за дверью и не подслушивает, о чем мы говорим.

– Ясно, – кивнул Дронго. – Итак, получается шесть человек. И кроме мужа вашей сестры, к которому вы испытываете естественное недоверие из-за его частых провалов в бизнесе, все остальные вне подозрений?

– Да, я думаю, что так. Именно поэтому я и пришел к вам.

– Вы убеждены, что документы, которые опубликовал Лисичкин, попали к нему из вашего кабинета?

– Абсолютно. Там были некоторые детали, которые присутствовали только в моих документах. О них не знали даже в банке, который занимался переводом денег. Нет, нет, здесь нет никаких сомнений. Документы, которые опубликовал Лисичкин, попали к нему из моего кабинета. В этом нет никаких сомнений.

Дронго посмотрел на Эдгара Вейдеманиса. Тот пожал плечами: в любом случае все решал Дронго.

– Когда вы можете собрать всех шестерых, о которых мы сегодня говорили? – спросил Дронго.

– Когда угодно, – удивился Ратушинский. – Хотя бы сегодня вечером. Они все в Москве, никуда не уезжали. Хотя летом мы обычно живем за городом. Я могу пригласить всех в свой загородный дом, и это не вызовет никаких подозрений.

– Лучше завтра, – предложил Дронго. – Завтра вечером вам нужно собрать всех шестерых на ужин. И пригласить нас с господином Вейдеманисом. Нужно придумать повод, чтобы мы у вас появились. Разумеется, никому не нужно сообщать о том, чем мы занимаемся и почему собираемся у вас ужинать. Возможно, в результате встречи мы придем к какому-то конкретному результату.

– Значит, вы согласны! – обрадовался Ратушинский. – Я пришлю за вами машину.

– Во всяком случае, у меня есть время подумать до завтра, – уклонился от прямого ответа Дронго. – И если я соглашусь, нужно будет сделать так, чтобы я попал в ваш заго-

родный дом раньше остальных.

– Договорились, – кивнул гость. – Я позвоню утром. Надеюсь, что, подумав, вы не откажетесь.

Борис Алексеевич поднялся. Настроение у него явно поднялось. Он поочередно пожал руки Дронго и Вейдеманису и, попрощавшись, ушел.

Когда дверь за ним закрылась, Эдгар вернулся в кабинет и молча забрал стакан, чтобы вымыть его на кухне. Дронго посмотрел на друга. Тот был чем-то явно недоволен.

– Тебе он не нравится? – усмехнулся Дронго.

– Да, – сказал, не оборачиваясь, Вейдеманис. – Он мне не нравится. Ты сам говорил, что с такими людьми дел лучше не иметь. Иногда я тебя не понимаю. Зачем тебе нужен Ра-тушинский?

– Ты помнишь рассказ Артура Конан Дойла «Пестрая лента»? Там ведь тоже хозяин дома, куда собирался Шерлок Холмс, не очень нравился ни великому сыщику, ни его напарнику. И тем не менее они поехали, чтобы помочь установить истину.

– Доктор Гримсби Ройлотт из Сток-Морона, – улыбнулся Вейдеманис.

Отлично владевший английским языком, он был помешан на английской литературе и особенно любил Конан Дойла. Он понял, почему Дронго привел именно этот пример.

– Но ты забываешь, что Шерлок Холмс поехал туда по приглашению племянницы доктора Ройлотта, – напомнил

Вейдеманис, — и все кончилось тем, что виновником убийства ее сестры оказался сам хозяин квартиры. Ты думаешь, что и здесь похожий случай?

— Во всяком случае, у Ратушинского нет павианов и змей, в этом я убежден, — рассмеялся Дронго. — А если серьезно, то я полагаю, что в любом случае вина хозяина квартиры будет очевидной. Конечно, он не брал документы и не передавал их погибшему журналисту. Но так или иначе он виноват в том, что среди окружающих его близких людей неожиданно оказался предатель. Подумай сам, кто был в доме Ратушинского в момент пропажи документов? Его жена, секретарь, сестра, муж сестры, их близкие друзья. Если кто-то из них совершает подобную подлость, то это означает как минимум, что Борис Алексеевич не разбирается в людях. А по максимуму можно предположить все что угодно. Именно поэтому мне так интересно расследовать это дело. Попытаться понять, что же произошло. Я думаю, нам будет интересно расследовать эту кражу.

— Хорошо, — согласился Вейдеманис, поставив стакан в мойку, — ты всегда знаешь, что делать. Если я смогу тебе помочь, то отправлюсь вместе с тобой на ужин. Посмотрим, что за люди окружают нашего гостя.

Глава 3

Борис Алексеевич позвонил в половине одиннадцатого утра. Дронго услышал, как он наговаривает на автоответчик свою просьбу поднять трубку. Недовольно поморщившись, Дронго взял трубку.

– Доброе утро, – возбужденно сказал Ратушинский. – Надеюсь, я вас не разбудил?

– Разбудили, – невежливо ответил Дронго, – но это не самое плохое.

– А что самое плохое? – насторожился Борис Алексеевич.

– Мне не очень хочется ехать к вам в гости, – признался Дронго и, услышав, как шумно сопит его собеседник, пояснил: – Мне не нравится ваша история. Мне не нравится, когда в вашем доме пропадают документы и приходится подозревать самых близких вам людей. Это говорит не в вашу пользу, господин Ратушинский.

– Я знаю, – неожиданно согласился Борис Алексеевич. – Меня эта история совсем свела с ума. Именно поэтому я и обратился к вам. Мне рекомендовали вас как лучшего... Хотя я об этом уже говорил. Впрочем, это ваше право. Если не хотите, вы можете, конечно, отказаться. Я не смею настаивать.

– Вы меня не поняли, – вздохнул Дронго. – Я сказал, что мне не очень хочется заниматься подобным делом, но я не

сказал, что не буду им заниматься. В конце концов, возможно, вы правы и вам действительно нужна моя помощь. Если вор не будет найден, то боюсь, что в следующий раз он решит похитить еще более важные документы. Когда вы пришлете машину?

– Когда вам будет удобно, – быстро ответил Ратушинский. – В любой час, когда вы посчитаете возможным.

– Сколько туда езды?

– Минут тридцать-сорок. Это недалеко от Рублевского шоссе.

– Не сомневался, что именно там, – пробормотал Дронго. – В общем, присылайте ваш автомобиль. К половине третьего я буду готов.

– Спасибо, – взволнованно поблагодарил Борис Алексеевич. – Я приеду к пяти. У нас сегодня совещание, но я постараюсь побыстрее освободиться. Спасибо, что вы согласились.

Отключив аппарат, Дронго отправился на кухню завтракать. По утрам он избегал обильных завтраков, ограничиваясь кружкой чая с ломтиками кекса. Когда он бывал в зарубежных поездках, то, отправляясь на встречи, которые нередко назначались рано утром, он завтракал более основательно – омлетом с сыром и хорошо прожаренным куском бекона. Мясо с кровью он не любил, предпочитая, чтобы его хорошо прожаривали.

Позавтракав, он позвонил Вейдеманису, предупредив Эд-

гара, что заедет за ним в три часа. Затем позвонил женщине, убиравшей его квартиру. По взаимной договоренности, она приходила только в те дни, когда он куда-то надолго уходил или уезжал, чтобы не мешать ему своим присутствием. В последние годы он стал замечать признаки сильной меланхолии, которая иногда им овладевала. «Знание умножает скорбь», – часто повторял Дронго. Чем больше дел он расследовал, тем меньше оставалось иллюзий. И тем чаще ему хотелось остаться одному, с книгой в руках. Иногда он с удивлением отмечал, что не выходил из дома несколько суток, работая с Интернетом или копаясь в своей огромной библиотеке.

В половине третьего приехала машина, которую прислал Ратушинский. Дронго подумал, что вечерний прием подразумевает более официальную одежду, поэтому надел серый костюм, подобрав в тон светло-голубой рубашке соответствующий галстук. Спустившись вниз, он увидел стоявшую у ограды машину. Предупредительный молодой водитель, открыв дверцу, помог гостю сесть в просторный салон автомобиля. Дронго усмехнулся.

«Как быстро эти нувориши привыкают к подобной жизни», – подумал он.

Водитель сел на свое место и обернулся, чтобы получить указания. Дронго назвал адрес Вейдеманиса и откинулся на спинку сиденья. Водитель включил негромкую музыку.

Эдгар ждал у дома. Он был в темном костюме, выбритый,

подтянутый, словно собрался на официальный прием. Усевшись рядом с Дронго, он поздоровался с водителем и тихо произнес:

– Ты все-таки решил поехать?

– Думаешь, я не прав?

– Как раз наоборот. Полагаю, что ты поступил правильно.

В конце концов, никто лучше тебя не умеет разгадывать подобные загадки.

– Если ты будешь со мной разговаривать в подобном тоне, я сойду с ума от чувства собственного величия, – пошутил Дронго. – Стыдно, но ничего другого я не умею делать. А заниматься подобными расследованиями мне стало надоедать.

– Ты обеспеченный человек, можешь все бросить и уехать в Италию к Джил и сыну. Почему ты остаешься в Москве?

– Именно поэтому и остаюсь, – пробормотал Дронго. – Во-первых, у меня несносный характер и я быстро надоем Джил.

– А во-вторых? – улыбнулся Вейдеманис.

– Во-вторых, мне нравится заниматься тем, чем я занимаюсь. Это как наркотик. Получаешь удовлетворение от успешно проведенного расследования. Каждая загадка волнует меня, требует докопаться до корней. Хотя иногда случаются и ошибки. В конце концов, я не могу гарантировать, что у меня не будет неудач.

– Это допустимая погрешность, – успокоил его Эдгар, – одна на сто расследований. Не стоит из-за этого волноваться.

– Не знаю. Иногда мне кажется, что я слишком увяз в этих расследованиях и больше никогда не смогу вернуться к прежней нормальной жизни.

– А тебе хочется вернуться? – поинтересовался Вейдеманис.

Дронго долго молчал. Очень долго, словно размышляя над вопросом своего друга. Машина с легким шумом неслась по шоссе.

– Нет, – наконец сказал Дронго, – не стоит возвращаться. Тем более что это невозможно.

Через полчаса они въезжали в охраняемый поселок, на территории которого находился загородный дом Ратушинского. После беспредела, возникшего в России в начале девяностых годов, очень богатые люди быстро поняли, что собственными силами наладить охрану своих дачных поселков и загородных домов они просто не сумеют. Именно тогда стали возникать элитные дачные поселки, в которых селились политики и бизнесмены. Охрану обеспечивали хорошо подготовленные сотрудники из различных федеральных служб. Так было проще и безопаснее, чем размещать собственную охрану по периметру своего дома.

Машина остановилась у дома Ратушинского. Поселок состоял примерно из двадцати двухэтажных коттеджей, в каждом из которых было от трех до шести комнат. Дом Ратушинского был большой – в шесть комнат. Таких домов было всего два. Второй, расположенный на другой стороне дач-

ного поселка, принадлежал первому вице-премьеру правительства. Борис Алексеевич приложил много сил и умения, чтобы попасть в этот поселок. Сначала он платил за аренду подобного «домика» более ста тысяч долларов, а затем получил разрешение приватизировать его за сумму, равную полугодовой аренде. В середине девяностых подобные «трюки» еще проходили, а особенно охотно власть шла на уступки перед девяносто шестым годом – перед президентскими выборами.

На площадке перед домом стоял темно-синий джип. Водитель «Мерседеса» остановил свою машину рядом с джипом, из которого вышел второй водитель, очевидно, выполнявший и обязанности охранника. Он кивнул гостям, с любопытством взглянув на приехавших.

– Добрый день, – поздоровался Дронго, – в доме есть кто-нибудь?

– Да, – ответил охранник, – утром приехала Майя Александровна. Она в доме. И кухарка. Больше никого нет. Но нас предупредили, что вы приедете. Проходите, пожалуйста.

Дронго и Вейдеманис вошли в дом. На первом этаже располагались две комнаты – огромная гостиная и чуть меньших размеров столовая, примыкающая к кухне. Дронго обратил внимание, что в столовой уже был накрыт стол на десять персон. Охранник провел их в гостиную и оставил одних. Они не успели еще сесть в глубокие кресла, стоявшие рядом с диваном, когда в гостиную вошла женщина в длин-

ном темно-синем платье. Ее длинные волосы были собраны и уложены на затылке. Красивое лицо, выступающие скулы, большие миндалевидные светлые глаза, чуть вытянутый нос. Для своего возраста она выглядела очень неплохо: Дронго помнил, что ей было за сорок. Она мягко кивнула гостям в знак приветствия.

– Здравствуйте, – сказала она и показала на кресла, в которые они не успели усестся. Жесты были плавные и мягкие, словно она была на сцене. – Можете садиться, господа. Я рада приветствовать вас в нашем доме.

– Добрый день, – в ответ поздоровался Дронго. – Мы приехали сюда по приглашению вашего супруга.

– Я знаю, – улыбнулась она, усаживаясь на диван, чтобы подать пример гостям. Она говорила по-русски с неистребимым грузинским акцентом. – Борису Алексеевичу сказали, что вы лучший эксперт в Европе. Во всяком случае, он мне говорил именно так.

– Это преувеличение, – усмехнулся Дронго, – просто мне отчасти повезло – я сумел расследовать несколько дел, которые завершились достаточно успешно.

– Вы всегда такой скромный? – улыбнулась Майя.

– Наверное, от смущения, – признался Дронго. – Я первый раз в вашем доме, поэтому чувствую себя несколько скованно.

– А вы, – господин Вейдеманис? – спросила она у Эдгара. Тот кивнул в знак согласия.

– Значит, вы приехали вместе, как Шерлок Холмс и доктор Ватсон, – рассмеялась Майя. – Хотя в мировой литературе были и другие примеры вечных пар. У Рекса Стаута и Агаты Кристи встречаются подобные пары: у Ниро Вулфа и Эркюля Пуаро были напарники.

– Вы хорошо знаете детективную литературу, – сказал Дронго.

– Это вас удивляет?

– Отчасти. Обычно женщины предпочитают литературу другого плана.

– Это смотря какие женщины, – возразила Майя Александровна. – А вы знаете, что детективы любят читать баронесса Тэтчер?

– Не знал, – признался Дронго. – Неужели и вы любите их читать?

– Дело в том, что я писала научную работу на тему «Психология образов в детективной литературе». Поэтому мне было интересно встретиться и поговорить именно с вами. Что вы будете пить?

– Минеральную воду без газа, – попросил Дронго.

– И только? – удивилась она.

– Можно еще апельсиновый сок, – добавил Дронго.

Она подняла правую бровь, но больше ничего не спросила. И посмотрела на Вейдеманиса.

– Вам тоже сок?

– Яблочный, – невозмутимо кивнул Эдгар.

Майя Александровна поднялась с дивана.

– Очевидно, вы не пьете на работе, – улыбнулась она. – Это ваше право, господа. Надеюсь, что вечером вы будете более раскованны.

С этими словами она вышла из гостиной.

– Странно, – неожиданно раздался голос Вейдеманиса. – Что может связывать таких людей, как Ратушинский и хозяйка дома? Тебе не кажется, что они разные люди?

– Иногда крайности сходятся, – задумчиво ответил Дронго. – Хотя, я думаю, ты прав. Мне тоже интересно, какие качества она в нем нашла.

Хозяйка дома вернулась вместе с немолодой женщиной. Та внесла на подносе заказанные напитки. Дронго, взяв два стакана, поставил их на столик.

– Звонил Борис Алексеевич, – сообщила хозяйка дома, называя мужа по имени-отчеству, – он скоро приедет.

– Может, мы пока поговорим с вами? – предложил Дронго.

– Конечно, – согласилась она. – Любопытно, что именно вас интересует, хотя не думаю, что смогу вам чем-то помочь.

– Почему же...

– Я знаю, зачем вы здесь, – пояснила она, – и знаю, почему Борис Алексеевич искал вас, надеясь, что вы ему поможет. Он обычно ничего не скрывает от меня.

– Тогда вы можете подсказать нам, кого можно подозревать. Как вы думаете, каким образом документы могли ока-

заться у постороннего человека?

– Не знаю. Мне кажется, что произошла какая-то ошибка. – Она нахмурилась. – Дело в том, что в доме никого не было. Мы отпустили нашу прислугу и остались одни. В этот день у нас были моя подруга с мужем, сестра Бориса Алексеевича со своим супругом и секретарь моего мужа. Больше никого. Подозревать кого-то из них мне кажется не совсем правильным. Возможно, документы исчезли не из нашей квартиры. Но в любом случае неприятно, что документы оказались у этого Лисичкина, который опубликовал их со своими комментариями. Не очень честными комментариями...

– Тем не менее ваш супруг настаивает, что документы исчезли именно из его кабинета, – напомнил Дронго.

– Да, – согласилась она. – Но не исключено, что кто-то чужой сумел побывать в его кабинете в наше отсутствие.

– У вас в доме есть охрана, – возразил Дронго, – и чужой, который сумел бы к вам проникнуть, наверняка взял бы нечто более существенное. Я не был в вашем доме, но не сомневаюсь, что в квартире есть вещи более ценные, чем эти документы.

Она промолчала.

– Вы всегда так беседуете? – осведомилась она. – Не могу понять, когда вы шутите, а когда говорите серьезно.

– Я стараюсь говорить серьезно о несерьезных вещах и несерьезно о серьезных, – пошутил Дронго. – Но разве я был

не прав?

– Правы, – ответила она, – я об этом долго думала. Но тогда нужно согласиться, что кто-то из наших близких – предатель. А это очень неприятно. И больно, – добавила она после паузы.

– И тем не менее документы были опубликованы, – напомнил Дронго. – Каким-то образом они попали к журналисту.

– Мы тоже об этом думали, – нахмурилась Майя Александровна. – Мне кажется, что это был рок. Журналист получил документы несправедливым путем и сам себя наказал. Я человек неверующий, но иногда можно поверить в некий рок, который так страшно наказывает. Журналист погиб, и я думаю, что мы теперь никогда не узнаем, кто передал ему документы.

– Всегда можно определить конкретного исполнителя, если известны все подозреваемые, – возразил Дронго. – Это как математическая задача с одним неизвестным.

– С одним? – быстро переспросила она. – Понять человека, которого ты знаешь, бывает очень сложно, а прочувствовать и понять незнакомых людей почти невозможно. В вашей математической задаче может быть любая погрешность. Здесь не одно неизвестное, а по меньшей мере шесть неизвестных. Из семи. Я не считаю, разумеется, самого Бориса Алексеевича, который вряд ли стал бы красть документы из собственного кабинета.

– Вы обсуждали с ним эту проблему?

Она удивленно взглянула на Дронго. Посмотрела на молчавшего Вейдеманиса и несколько неуверенно пробормотала:

– Это было бы не нормально, если бы в семье не говорили о такой пропаже. Конечно, мы обсуждали это с Борисом Алексеевичем. Ему было очень неприятно, что такое случилось в нашем доме. Как и мне. Но мы никого не подозреваем. В тот день с нами были только самые близкие друзья. Самые близкие люди, – подчеркнула она. – И мы не имеем права кого-то подозревать. Мы решили, что Борис Алексеевич забыл, что не приносил документы домой или унес их вместе с другими на работу.

Лицо Эдгара казалось невозмутимым, но Дронго знал, что его друг нервничает, так как заметил, что тот несколько раз моргнул.

– Он тоже так решил? – переспросил Дронго.

– Мне кажется, да. Во всяком случае, мы с ним больше не возвращались к этому вопросу. И я очень удивилась, когда он сказал мне, что собирается обратиться за помощью к вам. Мне казалось, что после смерти журналиста вопрос был закрыт. Я думаю, что внезапная смерть Лисичкина вызвала у него подозрение, и он решил проверить все еще раз. Я с ним согласилась.

– Он мог поговорить с журналистом до его смерти и попытаться выяснить, кто передал документы, – предположил Дронго.

– Ну что вы, – хозяйка дома чуть усмехнулась. – Неужели вы думаете, что Борис Алексеевич способен на такую низость – перекупить у журналиста имя предателя. Недостойно и грязно. Нет, нет. Он не мог об этом даже подумать.

Вейдеманис моргнул еще несколько раз.

– Было бы правильнее попытаться узнать у журналиста, как к нему попали документы, – возразил Дронго. – Наверное, я бы так и поступил.

– Возможно, – улыбнулась она. – Но вы профессиональный эксперт, а Борис Алексеевич – бизнесмен, который обязан думать о своей репутации. Представляете, что могло бы случиться, если бы он предложил журналисту деньги, чтобы узнать, кто продал документы Лисичкину. Не говоря уже о том, что среди возможных сообщников журналиста мог оказаться близкий нашей семье человек. Неужели вы думаете, что такой опытный человек, как Ратушинский, пошел бы на такой скандал?

Вейдеманис пристально взглянул на Дронго, словно ему было интересно узнать, какотреагирует его напарник.

– Наверное, вы правы, – пробормотал Дронго. – Вероятно, он бы не пошел на такое...

У входа послышались громкие голоса. Очевидно, приехавший хозяин торопился войти в дом. Он что-то громко говорил водителю, на ходу отдавал указания. И через несколько секунд буквально ворвался в гостиную, где сидели его жена и гости.

Глава 4

– Добрый день! – громко приветствовал их Ратушинский.

На нем был темно-синий костюм, белая сорочка. Похоже, он примчался прямо с заседания. Дронго посмотрел на часы. Было около четырех часов дня.

Борис Алексеевич подошел к супруге и поцеловал ей руку. Затем поочередно пожал руки гостям, оглядывая по очереди всех присутствующих. Было видно, что он сильно нервничает. Очевидно, его состояние заметила и Майя Александровна.

– Принести что-нибудь выпить? – спросила она у супруга. – Ты сегодня какой-то запыхавшийся.

– Немного понервничал на работе, – натянуто улыбнулся Ратушинский. – Я выпью квасу.

Когда хозяйка дома вышла из комнаты, он быстро обратился к Дронго:

– Вы успели ее расспросить?

– Мы немного поговорили.

– Вы не спрашивали ее о Лисичкине? – уточнил Ратушинский значительно тише.

Вейдеманис нахмурился. Они с Дронго переглянулись. Обоим не понравился вопрос Бориса Алексеевича.

– Она знает, что документы опубликовал Лисичкин, – сказал Дронго. – Не понимаю, что вас волнует.

– Она не знает, что мы пытались договориться, – еще тише сообщил Ратушинский, оглядываясь на дверь. – И я прошу вас никому не говорить об этом. Лисичкина уже нет, а вам я сказал об этом, чтобы вы поняли мое положение и согласились принять участие в расследовании.

– Поэтому вы так быстро приехали, – понял Дронго. – Вы ведь должны были быть здесь в пять часов.

– Да, – мрачно ответил Борис Алексеевич. – Я вспомнил, что не успел предупредить вас об этом, поэтому бросил все дела и приехал сюда.

– Мне не нравится ваша забывчивость, – сказал Дронго. – Почему вы скрываете от своей супруги ваши переговоры с Лисичкиным?

– Вы же с ней уже говорили, – ответил Ратушинский. – Неужели вы ничего не поняли? Она представить себе не может, как можно договариваться с непорядочным человеком. А погибшего журналиста она считала именно таким. Она бы не поняла, зачем мне нужно узнать имя вора.

– Станные у вас отношения с супругой, – вмешался Вейдеманис.

Он сказал эту фразу очень тихо, но Ратушинский его услышал и вздрогнул. Он всегда невольно вздрагивал, когда слышал свистящий шепот молчаливого напарника Дронго.

– Возможно, – повернулся он к Эдгару, – но это мое личное дело, что следует рассказывать в семье, а о чем нельзя говорить. Или я ошибаюсь?

В этот момент в гостиную вошла Майя Александровна. Передав стакан мужу, она села на диван.

– Вы о чем-то говорили? – спросила она.

Ратушинский чуть не поперхнулся.

– Мы говорили об этих документах, – выдавил он, чуть нахмурившись.

– Это становится похоже на навязчивую идею, – улыбнулась Майя Александровна. – Вполне возможно, что документы попали к журналисту без помощи людей, которые были в нашем доме.

– Мы с тобой уже обсуждали эту проблему, – возразил Борис Алексеевич, – и ты согласилась, чтобы я пригласил наших гостей.

– Конечно, согласилась, – ответила она, – чтобы тебя успокоить. Я думаю, наши гости сумеют убедить тебя, что в нашем доме бывают только порядочные люди.

Ратушинский нахмурился, но промолчал.

– Ваша секретарь будет сегодня? – поинтересовался Дронго.

– Да, – кивнул Борис Алексеевич, – она подъедет к шести часам. А моя сестра с мужем приедет уже скоро. Они обещали быть пораньше.

– Вы их предупредили о нашем визите? – уточнил Дронго.

– Нет. Мы представим вас, как друга нашей семьи. Как друзей, – поправился Ратушинский, взглянув на Эдгара.

– А супруги Денисенко?

– Они приедут позже. У Миши сегодня дела, – ответил Борис Алексеевич.

– Я говорила с Инной, – добавила его супруга, – она придет пораньше, а Миша – позже.

– У них две машины? – спросил Дронго.

– Да, – ответила Майя Александровна, – Инна хорошо водит машину. У нее «Фольксваген», а у ее мужа «девятка». Иногда Инна подвозит меня, хотя Борису Алексеевичу не очень нравится, когда я сажусь в другие машины. Он считает, что меня могут похитить. Хотя в мои годы я уже никому не нужна, – засмеялась хозяйка дома.

– Я не был бы столь категоричен, – сразу вставил Дронго.

– Вы настоящий джентльмен, – одобрила его Майя Александровна.

Достав пачку сигарет, она вынула длинную сигарету, и Ратушинский сразу предупредительно щелкнул зажигалкой.

– Когда пропали документы, в квартире было пять человек, – напомнил Дронго, – если не считать вас двоих. Скажите, кто, кроме секретаря, мог войти в ваш кабинет, Борис Алексеевич?

– Никто, – уверенно ответил Ратушинский, – даже Майя Александровна не входит туда, если меня нет дома. И Юлия могла войти, только когда я был в кабинете.

– Да, – согласилась его супруга, – никто без разрешения не может входить в кабинет Бориса Алексеевича, даже прислуга. Только когда он сам разрешает.

– И ваша сестра?

– И она тоже, – подтвердил Ратушинский.

– Вы не проверяли, не были ли знакомы Михаил Денисенко и погибший журналист Лисичкин? – спросил Дронго.

– Мне не нравятся ваши вопросы, – сказала Майя Александровна, чуть нахмурившись. Она держала сигарету длинными тонкими пальцами, высоко подняв руку. – Вы считаете, что среди наших знакомых могут быть недостойные люди?

– Я не сказал, что муж вашей подруги украл документы, – возразил Дронго. – Возможно, Лисичкин воспользовался его доверием. Или использовал близость Михаила Денисенко к вашей семье.

– Миша не такой человек, чтобы доверяться первому встречному, – возразила хозяйка. – И вообще подобное расследование мне кажется немного несерьезным. Вы извините меня, господин Дронго – так, кажется, вас называют, – но каким образом вы думаете найти вора? Расспрашивая нас о каждом подозреваемом? Неужели вы думаете, что мы можем сказать о ком-то что-нибудь плохое? Мы знаем этих людей много лет и ничего такого за ними не замечали. У каждого из них могут быть свои слабости или недостатки, но ни один из них не способен на подлость, в этом я убеждена. Я понимаю, что вы специалист в этой области и постараетесь запутать всех своими вопросами, но, уверяю вас, от этого ничего не изменится. Мы все равно не сможем кого-то подозревать.

– Я не пытаюсь вас запутать, – возразил Дронго, – это не мой метод. Я стараюсь понять, кто мог взять документы. И не обязательно из корыстных побуждений. В моей практике бывали случаи, когда документы воровали, чтобы помочь другому человеку или кого-то спасти.

– Это явно не тот случай, – буркнул Борис Алексеевич. – Документы были взяты только для того, чтобы меня «утопить».

– Возможно, – согласился Дронго, – но тогда нужен мотив. Должны быть ясны причины такого поступка. Если мы поймем причины, то сможем ответить на вопрос: кому это было выгодно.

– Я дам вам длинный список людей, которым был выгоден этот скандал, – предложил Ратушинский. – Но, к счастью, ни один из них не вхож в мой дом.

Майя Александровна докурила сигарету и поднялась с дивана. Следом поднялись мужчины. В ее плавных движениях было нечто властное, поистине царское, заставлявшее остальных мужчин угождать ее прихотям.

– Я вас оставляю, господа, – сказала она, – надеюсь, что сегодня вечером, познакомившись с нашими гостями, вы поймете, что ни один из них не мог совершить подобную гадость. И вообще, мы привыкли доверять людям, которые у нас бывают.

С этими словами Майя Александровна покинула гостиную. Едва она вышла, Ратушинский неслышно вздохнул,

ослабил узел галстука и, сняв пиджак, повесил его на спинку стула.

– Может быть, выйдем на воздух? – предложил он. – Пока остальные приедут, у нас есть время. Я быстро переоденусь и выйду к вам.

– Хорошо, – согласился Дронго, – мы подождем вас у дома.

Он и Эдгар вышли на улицу. В дачном поселке густые кусты и деревья позволяли каждому обитателю отдельного дома чувствовать себя достаточно уединенно.

– Что ты об этом думаешь? – тихо спросил Дронго у Вейдеманиса.

– Интересная пара, – ответил Эдгар. – Ты обратил внимание, что она ни разу не сказала о нем: «мой муж» или «мой супруг». Называла его только по имени-отчеству. И он обращался к ней так же. В ее присутствии он теряется, смущается. Он явно скрывает от жены, что хотел купить у погибшего журналиста имя вора.

– Верно, – согласился Дронго, – он не просто ее любит. В их отношениях сквозит некая настороженность, словно он все время обязан держать себя в узде и не может расслабиться. Он даже узел галстука не тронул, пока она не ушла.

Перед домом остановилась машина. Из темного «Мерседеса» вышла высокая молодая женщина с очень короткой стрижкой «под мальчика». Полные губы, голубые глаза. Впечатление немного портил прооперированный нос. Бы-

ло заметно, что она сделала себе косметическую операцию несколько лет назад. Женщина была одета в брючный костюм персикового цвета. В руках у приехавшей была папка, которую она, выходя из автомобиля, взяла с собой. Хлопнув дверцей, она огляделась и, увидев Дронго и Вейдеманиса, стоявших чуть в стороне, неожиданно пошла в их сторону.

– Здравствуйте, – приятным голосом сказала она, – я Юлия Геллер. А вы, наверное, господин Дронго? И вы – господин Вейдеманис?

– Откуда вы меня знаете? – спросил Дронго.

– Я искала ваши телефоны для Бориса Алексеевича, – улыбнулась Юлия, – кроме того, я связалась с частным детективным агентством, чтобы найти вас. Мне сказали, что вы – самый элегантный мужчина в стране. Теперь я вижу, что они не ошиблись.

Дронго почувствовал себя неуютно в своем светлом костюме от Валентино. Подбирая галстук, он остановился на строгом Армани в однотонную полоску. Он и предположить не мог, что здесь обратят внимание на его одежду. А Юлия с улыбкой, в которой сквозило что-то настораживающее, продолжала:

– И еще аромат вашего парфюма. Мне сказали, что вы один из немногих, кто продолжает пользоваться «Фаренгейтом», – безжалостно произнесла она, подходя совсем близко.

Юлия была очень высокого роста, лишь чуть ниже Дронго.

– Кажется, мне пора его менять, – пробормотал он, – если о нем знают столько людей.

Она чуть прикусила губу, но продолжала улыбаться. От нее исходил легкий аромат парфюма. Дронго улыбнулся в ответ.

– Я тоже навел о вас справки, – неожиданно сказал он, – вы любите одеваться в итальянских магазинах «МахМара» и пользоваться парфюмом «Sotto Voce» от Лауры Биаджотти. Я не ошибся?

– Нет, – несколько озадаченно пробормотала Юлия, отступая на шаг. – Вы разбираетесь в женской одежде?

– Чтобы отличить характерный стиль вашей одежды от одежды других фирм, не нужно быть большим знатоком. А запах хорошего парфюма я действительно различаю. Я часто летаю на самолетах, хотя ненавижу летать. И в аэропортах есть магазины беспошлинной торговли, в которых выставлены все парфюмы мира. Мне нравится вдыхать разные ароматы, отличать один парфюм от другого. Наверное, в каждом криминалисте есть немного от служебной ищейки, которая находит преступника по запаху.

Она улыбнулась, показав неровные молодые зубы. Первый наскок Юлии Дронго отбил, и она оценила его мастерство. Но не собиралась сдаваться.

– Надеюсь, мой парфюм не кажется вам криминальным? – спросила она, глядя ему в глаза.

В этой молодой женщине был нескрываемый сексуальный

вызов. Он усмехнулся.

– Пока нет, хотя странно, что вы приехали. Борис Алексеевич прибыл несколько минут назад и уверял нас, что примчался с работы. Или вы выехали следом за ним?

Она растерялась. Даже заморгала. Потом покачала головой.

– Он, наверное, был на совещании, – сказала она, – в другом здании.

– И вы не могли с ним созвониться? Или у вас нет его телефона? – продолжал наступать Дронго.

– Есть, – кивнула она, поняв, что отступать некуда, – но мне нужно было срочно приехать.

– Я могу узнать причину спешки? – поинтересовался Дронго.

– У меня с собой документы, которые я должна срочно подписать у Бориса Алексеевича.

Теперь Юлия смотрела на своего собеседника с некоторой опаской.

– Можно я задам вам один вопрос, – неожиданно спросил Дронго, – прежде чем вы подпишете документы?

– Мне? – удивилась она, делая шаг назад. – Без разрешения Бориса Алексеевича я не могу...

– Вы все делаете только с его разрешения? – осведомился он.

В ее глазах он уловил раздражение. Она снова закусила губу и упрямо покачала головой.

– Я приехал сюда по его просьбе, – напомнил Дронго, – и вы об этом прекрасно знаете. У меня к вам сейчас только один вопрос. Остальные вопросы я задам после того, как вы подпишете ваши документы.

Она явно колебалась. Затем, обернувшись, посмотрела на дом. Потом перевела взгляд на Дронго.

– Какой вопрос? – спросила Юлия.

– Вы часто бывали в доме Ратушинского? Я имею в виду – до того дня, когда у него пропали документы.

– А почему вы думаете, что я помню день, когда у него пропали документы?

Молодая женщина была достаточно сообразительной. И в то же время она чуть покраснела, еще раз оглянувшись на дом.

Дронго взглянул на Эдгара и усмехнулся.

– Я не пытаюсь вас поймать, Юлия, подобными вопросами. Мне нужно знать, сколько раз вы бывали в его доме. Или это был единственный случай?

– Конечно, нет. Я часто приезжаю к нему домой, когда нужно подписать документы, – мрачно ответила она. – У вас еще есть вопросы? Или я могу уйти?

– Спасибо, – сказал Дронго.

Рассерженная Юлия пошла к дому. Эдгар взглянул на часы.

– Она приехала почти сразу за ним, – сказал Вейдеманис. – Или они не могли договориться на работе?

– Тогда выходит, что он приехал не с работы, – заметил Дронго. – Однако он очень боялся, что мы успеем рассказать о его контактах с Лисичкиным.

– Кажется, у нас еще гости, – сказал Вейдеманис.

К дому подъехал следующий автомобиль. Это был темно-зеленый «Пежо». За рулем сидел мужчина с глубоко посаженными маленькими глазами, острым носом и редкими каштановыми волосами. Мужчина недовольно оглянулся на стоявших незнакомцев и вышел из салона автомобиля. Следом появилась женщина в темном платье. Она тоже недовольно взглянула на приехавших. Сходство женщины с хозяином дома было очевидным. У обоих были похожие, несколько вытянутые носы, мясистые щеки и большие глаза. Это была сестра Бориса Алексеевича.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.